

«МОЯ СТИХИЯ — ОПЕРЕТТА»

НАШИ ИНТЕРВЬЮ

На днях коллектив Оренбургского театра музыкальной комедии поздравил актера члена художественного совета театра Владимира Семеновича Левашова с присвоением ему почетного звания «Заслуженный артист РСФСР».

Предлагаем вниманию читателей интервью, которое провел с В. С. Левашовым его коллега по театру наш внештатный корреспондент актер В. С. Сашко.

Корр. — Традиционный вопрос, Владимир Семенович, как вы пришли в театр?

В. Левашов. — Родился в многодетной семье. Как все, пошел в школу, но скоро понял, что родителям нужно помогать не столько хорошими отметками, сколько личным вкладом в семейный бюджет. Куда идти работать? Наткнулся на объявление: «Хабаровскому театру музыкальной комедии требуются рабочие сцены». Пошел. Приняли. Это случилось в конце 1957 года. Не успел как следует прирасти к своему первому месту — перевели в осветители. Нравилось. Сидишь на фойере, ловишь лучом лица актеров, которые поют, говорят, пляшут... Пел и я... сидя на фойере: «Не кочегары мы, не плотники» из кинофильма «Высота». Завэлектрощехом писал на меня докладные записки помощнику режиссера, а главный режиссер однажды сказал: «Спускайся на землю, высотник, будешь петь в хоре». И стал я артистом хора Хабаровской оперетты. Пел от души. Но меньше всего смотрел на дирижера — больше на героев спектакля.

Корр. — Попадало за это?

В. Левашов. — Не попадало, а попало!

Корр. — Уволили?

В. Левашов. — Из хора. И дали первую в моей жизни роль Сергея Слаского в комедии «У нас, на Дальнем Востоке». «Винить» в этом должен главного режиссера театра Леонида Николаевича Инкова.

Корр. — Дебют был успешным?

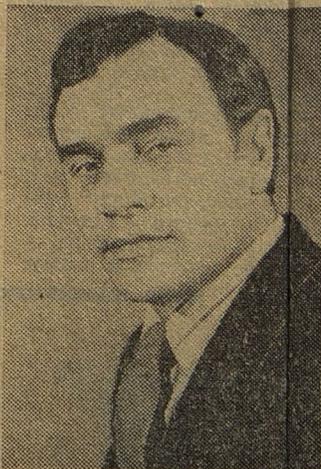
В. Левашов. — «Огромной силы» был успех: никто не

слышал, что я пел и говорил. От большого желания оправдать доверие режиссера произошел невероятный зажим, а в этих случаях — известно каждому актеру — вместо монолога и вокала — мим да грим... Но не уволили. Более того, Инков продолжал со мной работать. Образно говоря, он научил меня ходить по сцене. Позже другой режиссер Исаак Иосифович Берлянд привил такое ценное качество для актера, как понимание того, зачем ты ходишь по сцене. В процессе репетиций он учил подчинять главному смыслу каждое сценическое действие.

И уходя от жанра интервью, я подумал о том, что тот Левашов, которого мы сегодня знаем, — профессионал, в полной мере владеющий своим ремеслом, мог бы и не состояться, не попасть в самом начале его театрального пути чуткие, душевные, прозорливые режиссеры-педагоги. Передо мной рецензии разных лет на спектакли с его участием. «...молодой комик В. Левашов, играющий старого графа фон Миттельшприца. Тяготеющий к буффонаде, яркому гротеску, актер сразу начинает с комического трюка и затем уже не устает их нанизывать один на другой» («Советская Киргизия», 1971). «Сколько порой во взоре, в голосе его Флорестино душевного тепла!». Завидный актерский диапазон! Какие же из более сотни сыгранных ролей запомнились больше всего?

В. Левашов. — По-настоящему согрела, задела за живое лишь одна: Лешка в спектакле «18 лет».

Корр. — Чем она дорога?

В. Левашов. — Драматическим началом, перспективой роста. Характер моего Лешки там в развитии: от восемнадцатилетнего парнишки до седовласого полковника. Сюда же можно было бы причислить Зорро из «К вашим услугам, сеньор» и Наполеона из оперетты «Сердце корейки», но... Зорро в пьесе лишен конкретного объекта противоборства, чем роль наполовину обедняется, а Наполеон несет чисто служебную нагрузку. Похоже, он написан для того, чтобы сначала разбить, а потом соединить сердца двух молодых влюбленных. Какой уж тут драматизм?

Вспоминаю его Зорро, где в сцене с умирающей Паолой... Сверкнет и ослепит зал чисто драматическая нота. Перед глазами его Наполеон. Роль запоминается благодаря лишь драматической глубине игры. Сколько же ролей прошло мимо этого актера лишь потому, что оперетта в силу своей специфики не может их ему предложить.

Вот как болят в темную ночь, врывается знаменитое

«шнми» из «Баядеры». Какой блистательный слиток музыкальности, пластики и сценической свободы! Не из-за этих ли всплесков подлинной артистичности зритель любит оперетту? Но возможны ли подобные всплески без таких артистов, как Левашов? Мон предположения легко разрешает густой баритон актера:

— Что поделаешь? Моя стихия — оперетта. Считаю, что артист, — если ты действительно артист, — наиболее полно может раскрыться именно на сцене музыкального театра.

Корр. — А режиссурой не занимались?

В. Левашов. — Поставил один спектакль — «Моя жена луножья». Здесь, в нашем театре. Говорят, получилось. Восстановил «Цыганского барона». Но вплотную... Это разные вещи: актер и режиссер. Да и поучиться как следует не удалось. А знать режиссеру нужно ох как много.

В комнате, где мы говорим с актером, — выжженный на фанере портрет старца в чалме. От старшего бутафора театра В. С. Кулябина знаю: всю изящную бутафорию для своих героев Левашов делает сам, видел ювелирно исполненные ордена Наполеона. Глаза с портрета требуют повелевать — наверное, так же диктует себе актер вхождение в каждую новую роль...

— Не тяжела ноша признания?

Глаза Левашова мгновенно приобретают лукавину хозяина Зупана из «Цыганского барона»:

— Вот поношу — тогда скажу.

В этом ответе — весь Левашов: изящный артист и удивительно простой человек, всегда готовый поделиться непосредственностью и профессионализмом с любым. Мы убеждены, что заслуженный артист РСФСР Владимир Семенович Левашов еще немало скажет зрителям со сцены любимого им театра.

На снимках: В. Левашов; сцены из спектакля «Любовь расудит». В роли Еда Слывы В. Левашов.

Фото В. Верстукова.

